

УДК 821.161

*В.Ю. Даренский***ИНФЕРНАЛЬНОСТЬ ОБРАЗА АМЕРИКИ У М. ГОРЬКОГО
И ЕГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Статья посвящена анализу очерков М. Горького «В Америке» в контексте русской и западной литературной традиции. Показан базовый принцип образной системы произведения – изображение «духовной смерти» личности. Автор трактует проблематику этого произведения в качестве важного источника экзистенциального опыта для современного человека, открывающего понимание истоков человеческой свободы. В произведении М. Горького свобода показана как трагическая сущность, которая определяется прохождением различных жизненных испытаний несвободой и их отражением в мировоззрении людей.

Ключевые слова: М. Горький, Америка, личность, инфернальность, духовная смерть.

Впервые цикл очерков М. Горького «В Америке» был напечатан в «Сборнике товарищества “Знание” за 1906 год», в том же году издан за границей в Штутгарте отдельной книгой: «М. Горький. В Америке (Очерки). Часть первая». Очерки были написаны весной и летом 1906 г. в Америке. Актуальность этого произведения для нашего времени не требует особых комментариев, поскольку экзистенциальный образ Америки, созданный в ключе поэтики импрессионизма (само понятие «реализм Горького» следует понимать широко, поскольку он включает себя самые разнообразные стилистические элементы), не только не устарел, но со временем явно обнаруживает свою «пророческую» глубину.

Недавнее появление статьи А.В. Науменко-Порохиной «Поэтика контраста в цикле А.М. Горького “В Америке”» показывает актуализацию интереса к этому произведению историков русской литературы. Впрочем, ее трактовка образной системы этого произведения остается традиционной, мало отличающейся от формулировок монографий и учебников советского периода (то же самое можно сказать и о книге П. Басинского «Горький» из серии ЖЗЛ [3]). Она пишет: «Город Жёлтого дьявола – это образ-символ капиталистического мира, метафора так называемой новой жизни, а точнее, смерти человеческой души в новой общественно-экономической формации, не предусматривающей даже такого в человеке. А определение статуи Свободы одним из эмигрантов как “американского бога” тоже весьма символично, симптоматично. Её “холодное лицо и мертвые глаза” и при этом поза гордого величия и красоты внешней – вот прообраз американского народа, точно и провидчески угаданный писателем, прочувствованная им трагедия личности в этом обществе» [9]. Эта в целом правильная характеристика образной системы очерков до сих пор остается без выяснения ее истоков и общей художественной значимости. Этим двум вопросам посвящена данная статья.

И.А. Есаулов показал особую «темную» сторону художественного мира М. Горького, суть которой состоит в «представлении, что люди окружены кольцом почему-то ненавидящих их искони и желающих их гибели врагов» [8: 333]. Ученый считает, что это один из лейтмотивов творчества М. Горького в целом. Вместе с тем, такой «инфернальный» образ мира у М. Горького не является безвыходным – но наоборот, отталкиваясь от него, писатель ищет пути преображения мира и человека, что и составляет «сверхзадачу» всего его творчества. Как это проявляется в данном произведении?

М. Горький сообщал в письмах друзьям о своих впечатлениях от Америки. В письме к К.П. Пятницкому он писал, что американцы «слишком бизнесмены – люди, делающие деньги, – у них мало жизни духа» [2]. Тогда же, сопоставляя Россию с Америкой, Горький сообщал И.П. Ладыжникову: «Мы далеко впереди этой свободной Америки, при всех наших несчастьях! Это особенно ясно видно, когда сравниваешь здешнего фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими» [2]. Появление в американском журнале «Аппельтон мэгэзин» очерка «Город Жёлтого Дьявола» вызвало целый поток читательских откликов. В одном из писем в августе 1906 г. М. Горький сообщал К.П. Пятницкому: «Знаете – в ответ на мою статью в “Аппельтоне” о Нью-Йорке газеты получили более 1200 возражений! Я скоро напечатаю статью “Страна подростков”, в которой буду доказывать, что американцы, даже когда они лысы, седые и жуют вставными зубами, даже когда они профессора, сенаторы и миллионеры, – имеют не более 13-15 лет от роду. Вероятно, меня задавят возражениями» [2]. Хотя статья «Страна подростков» и не была написана, однако главная мысль этой статьи – глубокий инфантилизм американского мировоззрения – в полной мере нашла свое выражение и в написанных очерках.

Позднее, уже в 1920-е гг., в «Ответе на анкету американского журнала» М. Горький писал: «Вы спрашиваете: “Ненавидит ли ваша страна Америку, и что вы думаете о цивилизации Америки?” Уже в самом факте постановки таких вопросов и в такой форме заключено нечто по-американски уродливо преувеличенное, раздутое. Не могу представить себе европейца, который способен поставить такие вопросы ради того, чтоб “сделать деньги”. Разрешите сообщить, что на первый ваш вопрос – так же как и на всякие иные – я не имею права отвечать от лица всех 150 миллионов граждан моей страны» [6. С. 5]. И далее: «...даже в тех странах, кровь которых ваши капиталисты превращают в доллары... не найдется ни одного разумного человека, который присвоил бы себе право сказать вам от имени своего народа: “Да, моя страна, мой народ ненавидит Америку, весь ее народ”» (Там же). В этих строках за почти издевательской иронией М. Горького, тем не менее, очевидна его главная мысль об Америке как о сложном феномене, который при всех его разрушительных действиях по отношению к остальному миру, остается частью общечеловеческой судьбы. Именно эта мысль ранее двигала и автором очерков «В Америке».

В этом интервью М. Горький рационально сформулировал то, что ранее было художественно выражено в очерках: «то, что вы называете цивилизацией США, не возбуждает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваша цивилизация – это самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации» [6. С. 6].

Для М. Горького Америка является высшей стадией развития и символом капитализма как такового, и поэтому он говорит: «Капиталисты всех стран одинаково противное и бесчеловечное племя, но – ваши хуже. Они, видимо, более глупо жадны к деньгам. Кстати: слово “бизнесмен” я перевожу для себя словом – маньяк... Что, кроме денег, создают капиталисты? Пессимизм, зависть, жадность и ненависть» [6. С. 7].

А так называемый «американский идеализм», о котором часто писали в то время, у М. Горького вызывает лишь иронию, поскольку он «есть не что иное, как наивнейший оптимизм людей, еще не переживших драм и трагедий, в общем именуемых историей народа» [6. С. 7]. М. Горький выражает здесь мысль о крайней бедности содержания американской истории, которая не могла стать для народа школой духа и нравственного подвига, но развивала в людях лишь алчность и пустоту.

Непосредственно в очерках главным является образ Нью-Йорка и живущих в нем людей. И город, и люди показаны предельно отстраненно и обезличенно, но с сильной энергией грубых импрессионистических метафор, создающих весьма жуткую атмосферу царства смерти. М. Горький последовательно пользуется именно таким художественным методом, избегая полутонов и оговорок – такова его стратегия, и именно она в силу своей бескомпромиссности и создает особый, жестокий и незабываемый художественный эффект, захватывающий читателя.

Нью-Йорк у М. Горького жестко уподобляется *архетипическому образу чудовища, заглатывающего и поглощающего живых людей*: «Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их. Улица – скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города – живые люди. Везде – над головой, под ногами и рядом с тобой – живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо. Вызванное к жизни силою Золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы» [5. С. 11].

Образ чудовища, поглощающего живых людей и обрекающего их на безвыходные муки, имеет явный инфернальный смысл и, например, четко коррелирует с образом православной иконографии, в которой ад часто изображается не только в виде огненного озера, но и в качестве огромной сжатой пасти змея-диавола, в которой находятся нераскаявшиеся грешники. Именно таков и Нью-Йорк в полумистическом навязчивом видении М. Горького. Соответственно, адским является и внутреннее состояние находящихся здесь людей: «люди мертвы и одиноки в сетях многоэтажных домов, они кажутся карликами в черной тени высоких стен, они заплутались в хаосе безумия вокруг них... Ихтиозавры капитала стерли из памяти людей значение творцов свободы. Кажется... люди охвачены одной и той же тяжелой мыслью: “Разве такую жизнь хотел я создать?” Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь, бегут, вертятся, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне, как щепки в море, маленькие люди. Город ревет и глотает их одного за другим ненасытной пастью. Одни из героев опустили руки, другие подняли их, протягивая над головами людей, предостерегая: “Остановитесь! Это не жизнь, это безумие”. Все они – лишние в хаосе уличной жизни, все не на месте в диком реве жадности, в тесном плену угрюмой фантазии из камня, стекла и железа» [5. С. 11-12].

Очерк «Город Желтого Дьявола» – это не только художественная «анатомия» общества, состоящего из «живых трупов», но и прямое обличение нравственного самообмана этих людей, считающих себя тем свободнее, чем более они на самом деле поработаны: «Лица людей неподвижно спокойны – должно быть никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни, пищей города-чудовища. В печальном самомнении они считают себя хозяевами своей судьбы – в глазах у них, порою, светится сознание своей независимости, но, видимо, им непонятно, что это только независимость топора в руке плотника, молотка в руке кузнеца, кирпича в руках невидимого каменщика, который, хитро усмехаясь, строит для всех одну огромную, но тесную тюрьму. Есть много энергичных лиц, но на каждом лице прежде всего видишь зубы. Свободы внутренней, свободы духа – не светится в глазах людей. И эта энергия без свободы напоминает холодный блеск ножа, который еще не успели иступить. Это – свобода слепых орудий в руках Желтого Дьявола – Золота» [5. С. 12].

Импрессионистический образ, как это часто бывает у М. Горького, органически перерастает в пафосный памфлет и моральное обличение:

«Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так поработаны. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирает мозги и нервы... О людях – страшно и больно говорить... Привыкли к этим стремлениям без цели, привыкли думать, что тут есть цель... привыкая принимать эту отвратительную жизнь как должное, неизбежное» [5. С. 12-13].

Два другие очерка цикла «В Америке» специфически оттеняют первый как обобщенную картину, придавая ей два частных отражения, которые усиливают общий эффект изображения инфернального мира, делают его образ объемным и многомерным. Очерк «Царство скуки» дает яркую и пронзительную своим трагикомизмом картинку попыток людей развлекаться после недели утомительной работы. М. Горький с грустью называет эти попытки «забавами рабов» [5. С. 32]. Вся грандиозность американской индустрии развлечений объясняется ее неэффективностью, ее неспособностью дать человеку подлинную радость, которую он безуспешно пытается заменить переживанием «остроты ощущений». Лишь одурманивая человека на краткое время, они ничего не дают его душе, но еще больше опустошают и озлобляют ее. Именно поэтому все это буйство развлечений – на самом деле лишь бессмысленные «забавы рабов».

Другой способ забыть о своем поработании бессмысленной погоней за Желтым Дьяволом показан в очерке «Mob» – этот американизм, отсутствовавший в классическом английском языке, на слэнге означает «толпа». В этом очерке М. Горький ярко предвосхитил столь популярные затем в XX в. исследования «психологии толп» (С. Московичи) и животную психологию масс» (Э. Канетти). Суть «толпы» как особого явления, возникающего при стихийном объединении людей в единую массу, движимую уже не разумом, а первобытными инстинктами, М. Горький описывает следующим образом: «праздность вопросительно смотрит в глаза, требуя, чтобы пустота ее была чем-то наполнена. Научив людей работать, их не учили жить, и потому день отдыха является для них трудным днем. Орудия, вполне способные создать машины... они не чувствуют себя способными наполнить день чем-либо иным, кроме привычной, механической работы. Куски и части – они спокойны и чувствуют себя людьми на фабриках, в конторах, в магазинах, где они слагаются с подобными себе частями в цельный, стройный организм... Шесть дней недели жизнь проста, она – огромная машина, все люди – ее части, каждый знает свое место в ней, каждый думает, что ему знакомо и понятно ее слепое, грязное лицо. В седьмой же день – день отдыха и праздности – жизнь встает перед людьми в странном, разобранном виде. Человек чувствует в себе возможность вопроса, и эта возможность вызывает у него инстинктивное желание избежать встречи с ней. Невольно люди жмутся один к другому, сливаются в группы... и стремление частей к созданию целого – создает толпу... сотни пустых глаз принимают единое выражение, смотрят одним взглядом – подозрительно ожидающим взглядом, который бессознательно ищет нечто, о чем пугливо доносит инстинкт. Так рождается страшное животное, которое носит тупое имя “Mob” – толпа» [5. С. 39-40].

Объединение людей в это «страшное животное» является неизбежным, оно имеет вынужденный характер. Ведь только в такой массе человек может ощутить иллюзию своей силы и осмысленности жизни, почувствовать хоть какую-то близость и теплоту людей, чего он лишен в обычной жизни. «Mob» – это тоже «забава рабов», но уже не настолько безобидная, как в обычных развлечениях – эта толпа становится агрессивной и беспощадной, легко растаптывающей человеческую жизнь, чтобы лишь насладиться своей силой.

По сути дела, очерк «В Америке» – это живая и наглядная *антиутопия*, которая не требует выдумывания некоего гипотетического мира будущего, но рождается просто из вдумчивого всматривания в то, что уже существует. Это не что иное, как смерть Человека, мир «последнего человека» (Ф. Ницше).

Следует отметить, что инфернальная символика в творчестве А.М. Горького встречается не единожды. Так, например, в своем позднем очерке «По Союзу Советов» (1929) он писал: «В Баку я был дважды: в 1892 и в 1897 годах. Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устранившегося разума, все попытки проповедников терпения ж кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Я – не шучу. Впечатление было ошеломляющее» [7. С. 70]. Тем самым, нельзя считать, что применение инфернальной символики связано с каким-то предвзятым отношением писателя именно к США, поскольку подобные картины он видел и в своей стране. Но именно при изображении Нью-Йорка эта символика достигла у М. Горького своего максимального художественного воплощения.

В свою очередь, инфернальная символика у писателя включена в более широкий смысловой контекст, восходящий к базовым архетипам культуры. Символика прохождения через ад/смерть всегда связана с возможностью воскресения для новой жизни и рассматривается не как тотальная безысходность, но как особое жизненное испытание. Как пишет российский психолог А.А. Пузырей, «известная во всех эзотерических духовных движениях основная трехчленная формула работы над собой, гласящая: **пробудиться – умереть – родиться**, реализуется в терминах матрицы основных состояний, в представлении о движении... от исходной точки от состояния “болезни вообще” (характерного для сознания бес-путного человека)... к состоянию собственно “болезни-к-жизни” (умирание) и, наконец, к состоянию “здоровья-к-жизни” (рождение), для которого умирание и есть высвобождение места для прихода и действия силы, преобразующей ветхого человека в Нового человека, что ведет к подлинному исцелению, т. е. восстановлению цельного, полного “человека в человеке”... это рода душевная и духовная работа, которую выполняет человек, преодолевая кризисную ситуацию, – и есть в наших словах прохождение через “маленькую смерть” в направлении “второго рождения”» [10. С. 175]. Таков архетипический смысл инфернальных образов в искусстве – они призваны дать *переживание символической смерти для духовного воскресения человека в новую жизнь*.

Для русской литературы символика духовной смерти и воскресения является определяющей. Как пишет И.А. Есаулов, «в русской духовной традиции для того, чтобы *воскреснуть*, необходимы не только страдания, но и – в пределе – смерть “ветхого” человека: Воскресения без смерти не бывает. Воскресение – это не возрождение заново, не “повторение” природного цикла. Это переход в качественно иное измерение, преодоление смерти посредством духовного спасения» [8. С. 260].

Поскольку базовым «художественным мифом» в творчестве А.М. Горького является сюжет преобразования человека к новой жизни через гибель старого мира, то инфернальная символика и должна занимать в рамках этого «мифа» одно из ключевых положений. Тем самым инфернальный образ Нью-Йорка ни в коей мере не может рассматриваться всего лишь как идеологическое «обличение» буржуазной цивилизации, но его следует понимать в контексте той базовой смысловой конструкции художественного мира писателя, о которой идет речь. Этот образ здесь является в первую очередь наиболее концентрированным выражением того ненормального состояния человеческого бытия, от которого человек может и обязан освободиться во всем мире, а не только в Америке.

С другой стороны, особая инфернализация именно Америки уже до очерков А.М. Горького имела определенную традицию и в русской, и в мировой литературе. Так, Пушкин в очерке «Джон Теннер» писал об Америке его времени следующее: «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подлобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostracismu» [11. С. 435].

Чарльз Диккенс в «Американских заметках» писал практически то же самое: «До тех пор, пока американские газеты будут представлять собой такое же или почти такое же гнусное явление, как сейчас, нет никакой надежды на сколько-нибудь значительное повышение морального уровня амери-

канского народа» [4. С. 299]. Диккенс высказывает пожелание о том, чтобы наступили времена, «когда люди, в большей или меньшей степени, наделенные достойными чертами ума или характера, смогут завоевать в Америке более или менее видное общественное положение, не пресмыкаясь и не раболепствуя перед этим чудовищем порока; когда выдающиеся личные качества того или другого гражданина перестанут быть объектом нападок; когда доверие общества к кому бы то ни было не будет подрываться наветами и узы, основанные на общественной порядочности и чести, будут хоть сколько-нибудь уважаться; когда хоть один человек в этой Свободной Стране будет обладать свободой выражать свое мнение и считать, что он может думать, что хочет, и высказываться, как хочет, без унижительной оглядки на цензуру» [4. С. 299].

Выдающийся английский мыслитель и писатель XX века Г.К. Честертон в книге «Чарльз Диккенс» – философской биографии английского классика – писал о нем: «Янки довели его до бешенства не разногласиями, а единодушием. Все называли себя республикой, мощной и самобытной нацией... трудно не сойти с ума, когда с утра до ночи они твердят это друг другу в каждом вагоне и салуне... Он слышал эти истины девятьсот девяносто девять раз, но, услышав в тысячный, понял, что они – ложь» [12. С. 92]. Поэтому, пишет он, «Диккенс разочаровался в Америке и вознегодовал против тирании общественного мнения не только потому, что был типичным англичанином, то есть ярким приверженцем личной свободы... ему было противно, что американцы вечно красуются перед зеркалом; он не вытерпел тирании большинства не столько потому, что от нее страдало меньшинство, сколько потому, что большинство проявляло такое тупое и повальное самодовольство» [12. С. 95].

Среди знаменитых современников А.М. Горького очень близкую характеристику Америки создал Ф. Шаляпин в письмах, отправленных «по горячим следам» его гастролей в этой стране. 15 ноября 1907 года он писал А.М. Горькому: «Статуя, олицетворяющая свободу, из города выгнана вон и стоит за воротами, она видимо оскорблена и потому покрыта пятнами темной ненависти, взор ее, по моему, с печалью обращен к Европе, кажется, она думает, что там далёко есть хоть какая-нибудь надежда, и кажется, если бы это было возможно, она ушла бы по волнам океана туда к нам в Европу... Души тут ни у кого нет, а вся жизнь в услужении у доллара» (Цит. по: [1. С. 150-152]).

В письме к В.А. Теляковскому весной 1908 года, написанном после возвращения из США летом 1908 года, Ф. Шаляпин отметил: «Да, Америка скверная страна и все, что говорят у нас вообще об Америке все это суший вздор. Говорят об американской свободе. Не дай Бог, если Россия когда-нибудь доживет именно до такой свободы, – там дышать свободно и то можно только с трудом. Вся жизнь в работе – в каторжной работе, и кажется, что в этой стране люди живут только для работы. Там забыты и солнце, и звезды, и небо, и Бог. Любовь существует – но только к золоту. Так скверно я еще нигде не чувствовал себя. Искусства там нет нигде и никакого... Дома огромные, угрюмые и неприветливые. Кажется, что там живут таинственные сказочные палачи. Я так счастлив, что оставил эту страну, оставил навсегда» (Цит. по: [1. С. 153]).

Ценность и непреходящая актуальность очерков А.М. Горького об Америке определяется тем обстоятельством, что они служат отличным художественным аналогом той самокритики западной цивилизации, которая всегда была свойственна ее лучшим умам (в отличие от ее корыстных и недалеких апологетов). Среди таких умов показателен Г.К. Честертон, который, в частности, писал следующее: «Цивилизацию, которую... называют англосаксонской, разъедает немощь гордыни... Она не только пренебрегает другими странами, но просто думать забыла о них. А когда цивилизация забывает обо всем прочем мире, равнодушно считая его чем-то темным и варварским, судьба ее ясна... Америка... самый настоящий сумасшедший дом, но мы сами идем туда прямой дорогой... Безумец – тот, кто живет в небольшом мирке и считает его большим; тот, кто живет малой частью истины и считает ее Истиной в целом. Он не может представить себе ничего за пределами своей концепции... И чем резче делится мир на англосаксонский и всех прочих – на нас, великих, и на всех остальных, – тем больше оснований у нас думать, что мы медленно и верно сходим с ума. Чем тверже и благополучнее наше положение, тем яснее, что живем мы в иллюзорном мире, ведь реальный мир совсем не благополучен. Чем яснее и четче для нас наше превосходство, тем больше оснований считать, что мы грезим наяву» [12. С. 100-101].

Очерки А.М. Горького об Америке являются ценным «лекарством» от тех «грез наяву», о которых пишет Г.К. Честертон. Они являются ярким обобщенным выражением взглядов наиболее выдающихся представителей русской и европейской культуры. А.М. Горький особо заострил и художественно усилил эти взгляды. Последнее глубоко закономерно, ибо связано с мировоззрением писателя и семантической структурой его художественного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авербах А.Л. Шаляпин в Америке. Неопубликованное письмо Ф. Шаляпина к Максиму Горькому // Прометей: Историко-биографический альманах. Т. 2. М.: Мол. гвардия, 1967. С. 150-153.
2. Архив А.М. Горького. URL: http://home.mts-nn.ru/~gorky/TEXTS/OCHST/PRIM/usa_pr.htm.
3. Басинский П. Горький. М.: Мол. гвардия, 2006. 451 с.
4. Диккенс Ч. Американские заметки // Диккенс Ч. Собр. соч. в 30 томах. Т. 9. М.: Гос. изд. худ. лит., 1958. С. 7-309.
5. Горький М. В Америке // Собр. соч. Изд. 3-е. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1941. С. 9-48.
6. Горький М. Ответ на анкету американского журнала // Горький М. Собр. соч. в 30 томах. Т. 25. М.: Гослитиздат, 1953. С. 5-7.
7. Горький М. По Союзу Советов // Союз нерушимый. М.: Мол. гвардия, 1982. С. 70-166.
8. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
9. Науменко-Порохина А.В. Поэтика контраста в цикле А.М. Горького «В Америке» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 301-305. URL: <http://e-koncept.ru/2014/55025.htm>.
10. Пузырей А.А. Драма неисцеленного разума // Зощенко М. Повесть о разуме. М.: Педагогика, 1990. С. 149-183.
11. Пушкин А.С. Джон Теннер // Пушкин А.С. Соч. в 10-ти томах. Т. 7. М.: Наука, 1964. С. 434-469.
12. Честертон Г. Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 1982. 206 с.

Поступила в редакцию 14.10.16

V.Yu. Darenskiy

INFERNALITY OF M. GORKY'S IMAGE OF AMERICA IN THE CONTEXT OF LITERARY TRADITION

The article is devoted to the analysis of M. Gorky's novel "In America" in the context of Russian and western literary tradition. The fundamental principle of image system of M. Gorky's novel is a "spiritual death" of person. The author treats the problems of this novel as a source of existential experience for the contemporary man. The author proposes his own interpretation of M. Gorky's work, which is necessarily linked with a source of human freedom. Human freedom in M. Gorky's artistic world is interpreted as a tragic essence, which is determined by experience of different crucifix ways of non-freedom trials in a correlations with the worldview of each person.

Keywords: M. Gorky, America, person, infernality, "spiritual death".

Даренский Виталий Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент
Луганский государственный университет
им. Т. Шевченко, г. Луганск, ЛНР
E-mail: darenskiy1972@mail.ru

Darenskiy V.Yu.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Lugansk State University named after T. Shevchenko
Lugansk, LPR
E-mail: darenskiy1972@mail.ru